

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ТИМ
СЕВЕРИН

САКСОНЕЦ
АССАСИН
ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА

Москва
2016

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44
С28

Tim Severin

SAXON: THE POPE'S ASSASSIN

Copyright © Tim Severin 2015

Перевод с английского *Александра Шабрина*

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *А. Дубовика*

Северин, Тим.

С28 Саксонец. Ассасин Его Святейшества / Тим Северин ; [пер. с англ. А. Шабрина]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Исторический роман).

ISBN 978-5-699-88828-3

Саксонец Зигвульф — свирепый воин и умелый дипломат. Ему не впервой выполнять деликатные поручения своего повелителя — Карла Великого, могущественнейшего из владык западного мира. Но даже с его опытом будет нелегко разобраться в хитросплетении интриг Вечного города, где неизвестные заговорщики объявили охоту на самого папу римского...

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-88828-3

© Шабрин А.С., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ГЛАВА 1

Рим, 799 год н. э.

23 апреля, праздник святого Марка

Маячившие в проулке головорезы представляли собой типичное римское отребье: сальные прилизанные волосы, землистость лиц, кислая вонь пропотелого тряпья — словом, обычные обитатели многоэтажных трущоб у изгиба Тибра. Услуги этой швали обычно стоят дешево, но и надежности от нее не жди: по деньгам и товару. Тут же с ними стоял и их наниматель, заметно отличавшийся от них — он был выше остальных на голову. Кстати, насчет головы: на нее была нахлобучена громоздкая меховая шляпа, куда более уместная для зимних холодов, чем для яркого весеннего утра Вечного города. Под подбородком шляпу туго стягивали тесемки — явно из желания владельца получше скрыть лицо. От этого вид у долговязого был ущербно-зажатый и одновременно нахохленный.

— Гляди-ка, ежик колючками вовнутрь, — смешливо прошептал своему дружку один из наймитов.

Долговязый вслушивался в звучание хора на ступенях церкви Сан-Лоренцо, находящейся в паре кварталов слева, — торопливая распевка перед утренним торжественным шествием. Но вот, пока еще едва слышно, с противоположного направления до слуха собравшихся донесся перестук копыт.

— Изготовились, — сухим от напряжения голосом проронил долговязый, — он рядом.

Наймиты теснее вжались в косою провал тени от высокой боковой стены монастыря, именованного в честь святых Стефания и Сильвестра.

Звонкое цоканье копыт постепенно приближалось. По обе стороны Виа Лату — ровный как линейка проезд перед церковью — окаймляла пока еще негустая толпа прихожан и зевак, вытягивающих шеи в предвкушении зрелища близящихся всадников. Хор умолк, а над головами в воздух грузновато взметнулся массивный, разлапистый деревянный крест, белый с желтым. Под своей тяжестью он слегка покачивался, держась на весу усилиями одного из бедолаг, назначенного на ответственную роль носчика от здешней богадельни. Следом, один за другим, над толпой стали взрастать кресты поменьше и полегче: их золоченые древки были увиты цветастыми лентами. Эти кресты хранились в особых запасниках и доставались специально для торжественных процессий, которые праздничными ручейками вытекали за пределы городских стен че-

рез Фламиниевы ворота. По дороге такой крестный ход делал остановку для молебна пред кальвариями¹, после чего через Мульвийский мост струился к своему конечному пункту назначения — базилике Святого Петра, где при стечении народа проводилась Большая литания.

Долговязый на полшага выдвинулся из затенения, чтобы видеть поверх людских голов. Толпа состояла в основном из женщин, с вкраплением пожилых людей, праздных зевак и не более чем горстки сошедшихся в Рим паломников. Именно они выказывали наибольшее любопытство, с волнением высматривая, что там за сановники едут по городу. Поблизости не было ни солдат, ни стражи, ни караульчиков, что оказалось весьма кстати.

На виду показались всадники: небольшая группа, всего лишь семеро. Помимо двоих, все были в изысканных церковных облачениях — длинных ризах из темного текучего шелка, отороченных золотистой каймой, что поблескивала на солнце. На предводителе кавалькады — пухлолицем, томно-бледном человеке средних лет — башенкой возвышалась белая митра в тон объемистому одеянию из узорчатой парчи. Головы остальных венчали лиловые шапочки с серебристой оторочкой. Еще двое ехали простоволосыми, в незатейливых темных рясах.

¹ К а л ь в а р и и — у католиков 14 изображений крестного пути Христа, расположенные около церквей или по дороге к ним. (*Здесь и далее прим. перев.*)

Долговязый цепко следил, как всадники замедляют ход, останавливаются в каком-нибудь десятке шагов и начинают неторопливо спешиваться. Он дождался, когда наземь сойдут все, а лошадей под уздцы уведут конюшие.

— Пошли! — рявкнул он, и шайка головорезов прынула из укрытия.

В их сторону никто не глядел, а потому внезапность была полная. Первые крики слышались, когда разбойники повыхватывали из-под одежды ножи и дубины, замахиваясь ими на встречных. Толпа в панике рассеялась. В несколько размашистых шагов нападающие добрались до намеченной жертвы — сановника в белой митре. Подсеченный ударом по ногам, он грузно рухнул на плитняк проезда и остался лежать, частично оглушенный, с занявшимся от удара дыханием. Головорезы, чиркая в воздухе клинками, с грозной руганью напустились на его спутников. Те порскнули кто куда, поднимая на бегу ризы, чтоб, упаси бог, не запнуться. Оказать сопротивление попытался лишь один, но от удара в лицо он отшатнулся, брызжа кровью из расшибленного дубьем носа. Мелькнувшая разбойная рука сдернула у него с шеи усыпанный камнями крест на золотой цепи. Этот сановник тоже поспешил прочь. Минуты не прошло, как Виа Лата опустела — остались только нападающие и их несчастная, распростертая на земле жертва.

Долговязый шагнул к лежащему человеку и бесцеремонно пнул духовную особу в живот. Запутавшийся в своем одеянии церковник смог лишь свер-

нуться в клубок и поднял руки, чтобы прикрыть ими голову. Дорогой плащ и черные мягкие туфли с него послетали, а парчовая риза скабрезно задралась до колен, открыв белые льняные чулки.

— Милостью Божией... — тихо прогнусавил он.

— Займитесь им, — бросил долговязый.

Двое разбойников ухватили жертву под мышки и поставили на колени. Третий, с ножом в руке, встал перед оцепеневшим от ужаса сановником. Белая митра свалилась у того с головы, обнажив тонзуру в темных крапинах, окруженную венчиком жидких седеющих волос.

Тот, что держал нож, несколько замешкался.

— Ну же! — прикрикнул высокий предводитель. Не дождавшись ответа, он обогнул коленопреклоненного сзади, схватил его за уши и зажал между ладонями его голову. — Делай как велено, — распорядился он.

Наймит с мелким вдохом выступил на полшага и ткнул острием жертве в левый глаз. Сановник в ужасе слепо дернул головой вбок, и тычок пришелся мимо, оставив над скулой длинный рубец.

— Еще раз! — прорычал долговязый.

Снова тычок, и снова мимо глаза. И еще один рубец, от которого лицо жертве залило кровью.

— Остолоп косорукий! — прошипел высокий человек.

Выпустив уши жертвы, он яростно присосался к порезу на своей руке. Лезвие ножа прошло по скуле вскользь и чиркнуло ему по костяшкам пальцев. Вместе с тем двое других сообщников ослаби-

ли хватку, и сановник, обильно кропя свои ризы кровью, пал лицом вперед, неразборчиво хныча.

— Убираться отсюда надо, — тревожно бросил один из наймитов.

Его сообщники уже исчезали один за другим. Один из них по дороге прихватил богатый плащ, каким-то образом слетевший за время потасовки. Разбойник, что сорвал нагрудный крест, скрылся в самом начале. Невдалеке на Виа Лате стал кучками скапливаться люд, с нервным любопытством поглядывая на происходящее. Свары между шайками были в Риме обычным делом, но нечасто это происходило настолько публично.

— Утащить этого ублюдка! — скомандовал долговязый. Оглядевшись, он увидел, что из дюжины головорезов при нем осталось всего трое — тот, что с ножом, и те, что держали сановника. Чуть сдвинув на голове меховую шляпу, предводитель нагнулся и ухватил окровавленного церковника за воротник ризы, после чего поволок его ко входу в церковь.

Наймиты бросились помогать: отворили дверь и пособили затащить окровавленное полубесчувственное тело на мраморный пол атрия.

— А язык? — находясь уже внутри храма, зло напомнил высокий разбойнику с ножом. — Ты же должен был еще и оттяпать ему язык?

— Это не так легко, как кажется, — буркнул тот в ответ.

Сгибая и разгибая пальцы руки, которую полоснул нож, долговязый шумно вздохнул.

— Времени совсем в обрез. — Он посмотрел вниз, туда, где возле его ног жалобно постанывала немощно раскинувшаяся одутловатая фигура. Чуть сдвинув на голове шляпу, долговязый кивнул на дверь, которая вела из атрия в крыло монастыря. — Оттащите его пока туда.

Под мрачным взглядом своего нанимателя головорезы проволокли кулем обвисшую жертву через дверной проем в монастырь и заспешили там по коридору. Дверь в одну из келий была открыта, и разбойники швырнули пленника туда, наземь, с грохотом задвинув за его спиной засов. Когда они затем вернулись в церковь, вожак разбойничьей тройцы требовательно протянул руку и застыл в ожидании, пока долговязый не сунул ему в растопыренную пятерню кожаный кошелек. После этого все вчетвером окольным проходом выскользнули в проулок. Здесь их пути разошлись: наниматель, ссутулившись, заспешил в сторону Целиева холма, а его сообщники отправились в противоположном направлении, к трущобам.

— Надо было, Гавино, стребовать с этой шляпы побольше монет, — рассудил вожак разбойников, зыскательно пробуя кошелек на вес. Товарищи поглядывали на него настороженно: уж не думает ли дать деру?

— Что, обсчитали нас? — криво ухмыльнулся Гавино — это был тот самый мужчина с ножом. Даже темная щетина не могла скрыть уродливую россыпь оспин, покрывающих ему щеки и подбородок. — Надо было нам, дуракам, выяснить, что

за птица этот долговязый, и пригрозить, что донесем на него, если он не додаст нам денег.

— Слишком рискованно. Эти церковники вконец подмяли под себя наш город. Все судьи пляшут тут под их дуду.

— Кровопийцы все как один, сверху донизу, — согласился его товарищ. С громким хрюком во брав в себя слюну и слизь, он смачно харкнул в канаву. — А ты, получается, не удосужился пнуть башмаком по тем сиятельным ягодицам?

— Ты про того старого пердуна, которому мы сейчас наваляли?

— Ну а про кого ж еще, олух ты царя небесного!

— А кто это, кстати, был?

— А вот именно он и был. Наместник Царя Небесного на Земле, Его святейшество Папа. Или как он там себя величает.

ГЛАВА 2

*Франкия — Падерборнский дворец,
21 мая*

Посланник от епископа застиг меня у ограды с леопардом: я как раз щурился в нее через железные прутья.

— Не ты ли будешь Зигвульф? — учтиво осведомился посыльный.

Подмышки его бурой шерстяной рясы намокли от пота, а распаренное лицо рдело от несвойственной этому времени года жары. Судя по выговору, этот монах был откуда-то с запада Франкии и в Падерборне мог считаться чужаком. Должно быть, кто-то сказал ему, что я изъявил интерес к королевскому зверинцу.

Я кивнул в ответ на вопрос посыльного и принял протянутый мне лист бумаги, аккуратно сложенный вчетверо.

Снаружи лист был запечатан расплюснутым катышком желтоватого воска,

на котором отправитель сделал нехитрый оттиск: строгий крест с равновеликими сторонами, охваченный кружком. Сломив печать ногтем большого пальца, я развернул тихо хрустнувший лист. Внутри была всего одна строка, выведенная ровным каллиграфическим почерком:

«Зигвильф, я рекомендовал тебя архиепископу Арну Зальцбургскому. Алкуин».

Это, собственно, объясняло наличие креста. Алкуин нынче значился епископом Турским¹, хотя я был с ним знаком в бытность его дворцовым советником и частным наставником семейства нашего верховного сюзерена, короля франков Карла. Именно Алкуин, помнится, восемь лет назад назначил меня для отбора диких животных — в том числе двух полярных медведей — в Багдад, в дар тамошнему халифу от короля Карла. Отсюда происходил и мой неизменный интерес к королевской коллекции зверей.

Ни для кого не секрет, что Алкуин из своего далека по-прежнему пытался влиять на дела государства и поддерживал переписку с членами королевского совета. Однако сейчас я ощутил что-то похожее на беспокойство: как-никак письмо было адресовано лично мне, хотя я при обширном дворе короля Карла значился не более чем *milites*, эдаким солдатом благородного сословия. У меня и звания-то определенного не было, хотя время от времени на меня навешивали те или иные задания, которые я с переменным успехом выполнял.

¹ Тур — город на западе Центральной Франции.

Между тем письмоносец в рясе, отирая рукавом лоб, стоял в ожидании моего ответа.

— А на словах Алкуин ничего не передавал? — поинтересовался я.

— Ничего, господин. Сказал лишь, чтобы я провёл тебя на встречу с архиепископом Арном.

— Ты знаешь, где искать архиепископа?

— Знаю. Я ему вот только доставил одно из писем моего господина. Так что он у себя в покоях.

Напоследок я еще раз глянул, как там обстоят дела в ограде. Была надежда, что майское солнышко выманит леопардиху-мать наружу вместе с двумя детенышами, которых она принесла пару недель назад. Но нет, из закутка так никто и не появился.

— Что ж, изволь, — пожал я плечами, — веди меня.

Посыльный — мне он представился как Бернар — повел меня через хаотичное нагромождение строений, теснящихся внутри крепостных стен. Падерборн был лишь одной из резиденций короля Карла (вторая находилась в Аахене, а третья в Ингельхайме), которую король воздвиг на землях саксонцев как символ своей победы над их союзом. Этим ратным подвигом он расширил свои колоссальные владения так, что они теперь простирались на пол-Европы. Саксонцев король считал хронически ненадежными, а потому Падерборн велел окружить высоким земляным валом с деревянной стеной, внутри которой строения теснились в полном беспорядке. И не всегда было понятно, где